

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Выбор темы данного монографического исследования обусловлен несколькими факторами. Прежде всего — это, на наш взгляд, актуальность общей темы юридической ответственности в цивилистическом процессе. Следует констатировать, что данный институт на сегодняшний день недостаточно урегулирован на законодательном уровне и слабо эффективен в правоприменении, а потому нуждается в серьезном реформировании. Причем от эффективности его применения напрямую зависит не только справедливость правосудия, но судебная нагрузка, что является одной из основных целей проводимой в настоящее время судебной реформы.

В то же время следует отметить, что данный институт является одним из наиболее древних, он возник задолго до появления цивилистического процесса как такового. Но имея столь богатую историю и опыт применения, тем не менее он так и остался недостаточно проработанным. Поэтому, как нам представляется, глубокий и подробный исторический обзор необходим для правильного осмысления и совершенствования данного института.

В ходе работы автор обращался к большому количеству именно первоисточников, многие из которых (за что следует отдельно поблагодарить соответствующих авторов и издателей), к счастью, переведены/адаптированы на современный русский язык. Однако даже при этом анализ источников был весьма трудным и не позволял полностью избежать неточностей.

Поэтому выявленные автором меры ответственности в различные периоды следует рассматривать как основные, допуская при этом возможное искажение или неполноту. Тем не менее, даже с учетом этого, результаты исследования показались автору весьма интересными и полезными. Например, выявлено, что многие достаточно эффективные меры юридической ответственности именно процессуального характера, которых, на взгляд автора, очень недостает в современном цивилистическом процессе (например, направленные против злоупотребления правом), были известны и четко изложены в самых ранних источниках древнерусского права и получили даль-

нейшее развитие в последующие исторические периоды, но затем почему-то были утрачены.

Для наглядности процесса эволюции конкретных мер юридической ответственности в гражданском процессе в конце исследования приведена примерная таблица, которая, не претендуя на абсолютную точность, демонстрирует тенденции их развития.

С уважением,
М.Р. Загидуллин

ГЛАВА I

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

§ 1. Институт юридической ответственности в судебном процессе Древней Руси

История и эволюция цивилистического судебного процесса в качестве неотъемлемой части русского права берет свое начало с периода древнерусского права середины первого тысячелетия. Гражданское процессуальное право наряду с общим гражданским правом существовало в виде устных, применявшихся на практике норм обычного права, действующих в форме сказаний, песен, поговорок, пословиц и пр. В работах, посвященных анализу мифологии древних славян, отражено, что уже в те времена были сформированы основные понятия, относящиеся к суду и судопроизводству¹. Как отмечает в своих трудах профессор Д.Я. Малешин, устная кодификация норм обычного права была упомянута в первых письменных источниках права, дошедших до наших дней, — русско-византийских договорах 911 и 944 гг., обозначаясь в них под термином Закон Русский². И как было отмечено профессором А.Ф. Клейнманом³, «под влиянием народных обычаев начинают складываться процессуальные формы».

В процессе становления государственности, появления письменных источников права судопроизводство стало представлять собой двойственную систему, в которой, с одной стороны, действовал княжеский суд, применявший преимущественно письменные нормы, установленные княжеской властью, а с другой стороны, существовал общинный (народный или вечевой) суд, руководствовавшийся в первую очередь

---

¹ Кулыгин В.В. От Пути Прави к Русской Правде: этапы правогенеза восточнославянского этноса // Правоведение. 1999. № 4. С. 17.

² Малешин Д. Я. Самобытность российского гражданского процесса. Начало // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 14.

³ Там же.

нормами устного обычного права. Как отмечает Л.М. Кочкина, «Деятельность вече как судебного органа не закреплялась законодательно в источниках права, однако об этой функции свидетельствуют многочисленные летописные примеры»¹. При этом, как отмечает В.О. Ключевский, вече ведало судом по политическим и другим важнейшим преступлениям². Церковные же суды в княжествах рассматривали дела, связанные с преступлениями против веры и церкви. В то же время, по мнению ряда исследователей, «обилие уставных норм, предполагавших штрафы и ссылку в так называемые церковные дома, позволяют говорить, что к разбирательствам привлекались и миряне»³.

Период становления государственности на Руси характеризуется развитием письменных источников права. Модель судопроизводства, установленная сборником правовых норм Русская Правда, облекшим существовавшие обычаи в форму закона, при этом еще не знала различий между гражданским и уголовным процессом. В Русской Правде⁴ нормы, регулирующие судопроизводство, содержались в небольшом количестве, при этом довольно хорошо были представлены нормы о судебных расходах, об ответственности. В качестве меры юридической ответственности необоснованное обращение в суд, на наш взгляд, можно отметить взыскание с истца в пользу обвиняемого (ответчика) гривны за муку в случае, если не было доказано обвинение, когда истец, ссылаясь на показания холопа и взяв на себя ответственность, требовал обвиняемого на испытание железом (ст. 81).

Судебная власть князей с образованием удельной системы увеличивала свои объемы в период возраставшей независимости удельных князей от князя великого. Решения их взаимных дел происходили по большей части на основании договоров, которые они заключали между собой и с великим князем. М.М. Михайлов в своих трудах, посвященных истории образования и развития русского гражданского судопроизводства, отмечает, что в этих договорах уже упоминается

---

¹ Кочкина Л.М. Об особенностях судебных органов в новгородской республике // Государство и регионы. № 1(1), 2011. С. 51–56. // https://elibrary.ru/download/elibray_17716876_81406686.pdf (дата обращения: 04.08.2018).

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 2-х книгах. Книга 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003. С. 108.

³ Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в древней Руси (XI середина XIII века): несколько наблюдений // Вестник ЧелГУ. 2011. № 12. // <http://cyberleninka.ru/article/n/tserkovnyie-sudy-v-drevney-rusi-xi-seredina-xiii-veka-neskolko-nablyudeniya> (дата обращения: 06.09.2017).

⁴ Пространная Русская Правда (по Троицкому списку второй половины XIV в.). // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 21.10.2017).

о подсудности в делах, подсудных разным ведомствам, о третейском суде, а также о предоставлении права князей передавать дело третейского суда на окончательное решение великому князю¹.

Берестяные грамоты приводятся Е.Э. Сорокиным² как источник для изучения судопроизводства в Древней Руси, по которому можно рассмотреть некоторые виды правонарушений того времени. Так, в грамотах были выделены положения об ответственности за кражу, убийство, долговые и земельные споры³. Среди наиболее интересных по вопросам судопроизводства В.Л. Янин выделяет грамоту № 366 конца XIV в.⁴ В указанном документе речь идет о расчете по бессудной грамоте «по поводу вытопанной при езде пшеницы»⁵. Бессудная грамота также упоминается в берестяной грамоте № 137 1300–1320 гг.⁶ и берестяной грамоте № 251 1380–1400 гг.⁷ Бессудная грамота, или бессудная правовая грамота, упоминается впоследствии в Двинской уставной грамоте 1397 г.⁸ и представляет собой судебный документ, выдаваемый в случае неявки ответчика в суд. Кроме того, бессудная грамота упоминается в Псковской судной грамоте и Новгородской судной грамоте.

Двинская уставная грамота, в свою очередь, в ст. 6 содержала ответственность за самосуд, а именно: за самовольный отпуск пойманного с поличным «татя» за «посул», который наказывался штрафом в 4 рубля.

Судные грамоты, в частности Псковская и Новгородская, более четко описывали порядок судебного процесса. Так, судопроизводство было усовершенствовано следующим образом: словесная форма судебного процесса облекается ими постепенно в письменные формы, законную форму обрел обычай миролюбивого завершения спора,

---

¹ Михайлов М.М. Избранные произведения. М.: Статут, 2014. С. 55.

² Сорокин Е.Э. Берестяные грамоты как источник по судопроизводству в древней Руси // Российский исторический процесс: сборник научных трудов студентов, магистров и аспирантов кафедры истории России средних веков и нового времени / Отв. ред. В.Э. Багдасарян. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 53. // https://elibrary.ru/download/elibrary_25765700_75155465.pdf (дата обращения: 22.09.2018).

³ Там же. С. 57.

⁴ Янин В. Л. Я послал тебе бересту. 3-е изд. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 174.

⁵ Древнерусские берестяные грамоты. Грамота 366 // <http://gramoty.ru/index.php?act=full&id=375> (дата обращения: 05.08.2017).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Двинская уставная грамота 1397 г. // <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1269912> (дата обращения: 05.08.2017).

учреждались судебные инстанции для пересмотра дел, преобразована была организация судебных мест. Интересным будет отметить, что с обвиняемого, кроме судебных пошлин, взыскивались также штрафы за «несправедливое домогательство о суде», что, несомненно, придавало судопроизводству характер справедливой охраны прав¹, что также можно рассмотреть как пример применения юридической ответственности в судебном процессе.

Кроме того, по ст. 25 Псковской судной грамоты² в случае, если ответчик, не считаясь с назначенным ему для явки сроком, не являлся своевременно на суд, то судьи на пятый день выдавали грамоту истцу и приставу о доставке виновного силой. По следующей ст. 26 ответчик, подлежащий приводу согласно грамоте, не должен был при задержании бить или колотить истца, но если вступил в драку и колотил и совершил убийство, то подвергался ответственности как убийца. По ст. 30, если кто предъявит иск по ссуде по доскам без заклада больше рубля, то доска не принималась, а дело выигрывал ответчик. Здесь уже можно видеть и ответственность приставов, в ст. 57 — в случае отправления пристава для обыска по краже, если приставы утверждают, что обыск им провести не позволили и со двора согнали, а тот, кого должны были обыскивать, говорит, что приставы у него не были, или были, но не обыскивали — в таком случае приставы должны были привести в суд 2–3 людей, которые бы подтвердили их слова, и тогда их оправдывали, а того, кого должны были обыскивать, признать виновным в краже. В обратном случае такие приставы перестают быть приставами, а тот истец, кто их послал, терял право на иск. По ст. 58 не допускалась явка на суд с пособниками, кроме случаев, особо оговоренных в статье, но если же «кто кроме них нанимал помогать или силой в судебню лез или ударял подверника, того заключали в колодку и взыскивали с него рубль в пользу князя, 10 денег в пользу подверников». Следует обратить внимание на ст. 62, согласно которой истец по доскам или по закладам после переговоров имел право уменьшить иск и не подвергался пени, если и вовсе прощал иск без присяги. Не взыскивалась пеня в пользу князя и в случае, если случится драка в Пскове, пригороде, волости, на пиру или где-то еще и, не позвав пристава, они помирятся сами между собой. Согласно ст. 65 по делам о воровстве, в случае если отправленным приставом не было выявлено краденого, то приставное

¹ Михайлов М.М. Избранные произведения. М.: Статут, 2014. С. 44.

² Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М., 1984. Перевод Псковская судная грамота // Исторические записки. Т. 6. 1940 // http://krotov.info/acts/15/2/pskov_cud.htm (дата обращения: 22.09.2018).

и дверское платил тот, кто пристава послал. По ст. 67 истец, приехавший с приставом и взявший свой долг силой, не по приговору суда, отвечал за эти действия как за грабеж. При этом за грабеж платился штраф рубль, и виновный платил приставное. По ст. 73 тот, у кого имеется долговая записка, где указаны и проценты, если в срок наступления уплаты долга в суде не заявил о процентах, лишался права на проценты. По ст. 74 тот, кто взыскивал долг раньше срока, не получал проценты. Виновный, должник, скрывающийся от выплат по долговой записи или скрывающийся зависимый земледелец, на которого имеется запись, платил все убытки за произошедшее: приставное или заповедь, и железное (ст. 93). Уже имелся и штраф за неявку по ст. 99: ответчик, не явившийся по требованию суда к присяге, должен истцу без присяги заплатить по полной цене иска. Если кто-то на суде ударил кого-то из сторон, платил один рубль потерпевшему, при несостоятельности выдается головой, а также платил пеню князю по ст. 111.

В отношении ответственности судей можно привести ст. 78, по которой судьи Псковские, погородские посадники и пригородские старосты давали присягу, что будут судить по праву и согласно крестному целованию, если же не судили по праву, то будет судить их Бог в страшный день второго пришествия Христова. Как верно было отмечено А.М. Васильевым и В.Е. Лоба, в данном случае ответственность носила нравственный характер¹.

В.В. Момотов отмечает, что Псковская судная грамота усиливала государственный контроль за судебным процессом, запрещая сторонам ходить на суд с «помочью», т.е. с кругом сторонников, которые могли повлиять на ход процесса психологическим давлением большинства, своими криками и возгласами². М.Ф. Владимирский-Буданов также упоминал о данном обычае, именуемым «наводка» (т.е. «приведение с собой в «судницу» толп приятелей, которые парализовали работу суда»³), за подобные действия Новгородская судная грамота также устанавливала юридическую ответственность для сторон, в частности в виде штрафа.

¹ *Васильев А.М., Лоба В.Е.* Преступления против государственной власти по Псковской судной грамоте // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. № 2 (39). // <http://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-gosudarstvennoy-vlasti-po-pskovskoy-sudnoy-gramote> (дата обращения: 23.10.2017).

² *Момотов В.В.* Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.. Монография. М.: Зерцало-М, 2003. С. 342.

³ *Владимирский-Буданов М.В.* Обзор истории русского права. Киев, Спб., 1909. С. 585.

Так, согласно ст. 6 Новгородской судной грамоты¹, кто наводил наводку на истца, владычного наместника, посадника, тысяцкого, а также других судей и докладчиков, с того великим князем брали — с виноватого боярина 50 рублей, с житего 20 рублей, с молодчего человека 10 рублей, кроме того, этот человек был обязан возместить истцу убытки. В свою очередь, относительно самого термина «наводка» мы склонны согласиться с мнением Л.М. Кочкиной о том, что в литературе данный термин трактуется по-разному, но «независимо от различий этих трактовок, все они объединяются явно выраженным стремлением законодателя обеспечить правовую защиту судей с тем, чтобы дать им возможность довести рассмотрение дела до конца»².

Статьи 14 и 15 определяли порядок принесения присяги сторонами, при этом если какая-то из сторон отказывалась совершить присягу, то она проигрывала дело. Статья 28 устанавливала срок для рассмотрения земельных споров в два месяца и предусматривала ответственность для посадника, «тысетцкого или владыченного наместника», не закончившего дело, в виде денежного штрафа, а также возмещения убытков истцу.

По ст. 32, если сторона не явится в суд после отсрочки, предоставленной по ст. 30, она проигрывала суд. По ст. 34 в случае, если сторона в месячный срок не договорится об уплате судебных пошлин и исполнении судебного решения с судьей и истцом соответственно, ее принуждали к уплате пристава вече. Если же в этом случае сторона противилась приставам, было установлено «его казнить всим Великим Новым городом». По ст. 35 в случае, если вызванный свидетель не являлся в суд в течение двух недель после вызова, вызывалась вызвавшая его сторона, дело решалось в пользу противоположной стороны. А в случае, если сторона не вызывала в течение двух недель свидетеля или истца, то дело решалось в пользу противоположной стороны. Статья 36 устанавливала ответственность за учинение силы над обвиненным в воровстве, разбое, грабеже, поджоге, убийстве до суда. Статья 37 предусматривала ответственность в виде возмещения убытков господином за лицо, которое поступило к нему в холопство и чья вина

---

¹ Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М., 1984. С. 304–308. // <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1257716> (дата обращения: 23.10.2017).

² Кочкина Л.М. О принципах судопроизводства по новгородской судной грамоте. 2011 // http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media71250/Kochkina.pdf (дата обращения: 23.10.2017).

установлена судом, а в случае укрывательства такого лица — и в виде штрафа. Статья 39 устанавливает ответственность лица, которое было обязано явиться в суд и не явилось, в таком случае на него выдавалась грамота обетная.

Кроме того, следует упомянуть и Белозерскую уставную грамоту 1488 г.,¹ которая, как и Двинская уставная грамота, предусматривала ответственность за самосуд, в ст. 13 в виде денежного штрафа в размере двух рублей.

Несмотря на то что норм о юридической ответственности в судебном процессе в источниках древнерусского права содержалось не очень много, порядок судебного процесса, бывший единым как для гражданских, так и для уголовных дел, постепенно усложнялся, усовершенствовался, и в положениях судных и уставных грамот появляются зачатки отделения гражданского судопроизводства от уголовного. Также будет важным отметить, что уже в этом начальном периоде развития российского государства и судебного процесса можно говорить о некотором разделении видов юридической ответственности и выделении среди них процессуальной ответственности.

Так, профессор Д.А. Липинский, говоря о Новгородской и Псковской судных грамотах отмечает, что «...указанного выше достаточно для того, чтобы показать наличие на ранних этапах отечественного права мер процессуальной ответственности. Другой вопрос заключается в том, что применительно к тому периоду нельзя было еще утверждать о существовании самостоятельного института процессуальной ответственности как такового»².

Подытоживая периоды Древней Руси и феодальной (княжеской) раздробленности российского государства, можно отметить следующее.

В Древней Руси и в период феодальной раздробленности уже существовал судебный процесс (в том числе исполнительный процесс), который регулировался обычаями и основными источниками права того периода (Русская Правда, Берестяными грамотами, Судными грамотами отдельных княжеств). Судебный процесс был единым для всех категорий дел, как таковой цивилистический процесс не выделялся, хотя в отдельности встречались нормы, касающиеся особенностей

---

¹ Белозерская уставная грамота 1488 года // Российская юстиция. 2006 г. № 10. (СПС «Гарант»).

² Институт юридической ответственности: Монография / Д.А. Липинский, В.В. Романова, О.Е. Репетева [и др.]; под ред. проф. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2018. (ISBN 978-5-369-00834-8 (РИОР)).

судопроизводства именно по гражданским делам (например, «если кто предъявит иск по ссуде по доскам без залога больше рубля, то доска не принималась, а дело выигрывал ответчик» — т.е. перенос бремени доказывания за представление недопустимых доказательств (по некоторым категориям (гражданских) дел, например займам).

Переводя на современную юридическую терминологию, можно говорить, что в судебном процессе Древней Руси и в период феодальной раздробленности уже применялись следующие меры ответственности:

- возмещение убытков, морального вреда и/или вреда здоровью:
  - за необоснованное обращение в суд и последовавшее физическое наказание;
- возложение судебных расходов;
- штрафы:
  - за неявку в суд ответчика;
  - за злоупотребление полномочиями судебными приставами;
  - за нарушение порядка судебного заседания;
- исполнительский сбор:
  - за неисполнение судебного акта в добровольном порядке;
- заочное решение (бессудная грамота):
  - за неявку в суд ответчика;
- перенос бремени доказывания:
  - за неявку в суд свидетеля, вызванного по инициативе стороны;
  - за представление недопустимых доказательств (по некоторым категориям дел, например займам);
- отказ в праве на иск;
- привод ответчика:
  - за неявку в суд ответчика;
- арест (и иные административные наказания);
- смертная казнь:
  - за неисполнение судебного акта в добровольном порядке;
- нравственная ответственность:
  - за вынесение неправосудного решения судьей.

Вышеизложенный перечень показывает, что уже на этапе зарождения судебного процесса в российском праве существовали меры ответственности за процессуальные нарушения, порождавшие именно процессуальные неблагоприятные последствия, то есть можно констатировать, что уже на заре возникновения судебного процесса появляется такой вид юридической ответственности, как процессуальная ответственность.

§ 2. Институт юридической ответственности в Московской Руси (в Судебниках 1497 г. и 1550 г.)

Судебник Ивана III 1497 г. развил положения Русской Правды, вообрал в себя действующие судные и уставные грамоты, которые, по сути, были дополнены, исправлены и тем самым внесли единообразие в разобщенную в различных областях государства систему. Судебник 1497 г. внес единство в формальную часть судебного процесса и обогатил его новыми формами¹.

Применительно к вопросу юридической ответственности в судебном процессе того времени интересным будет отметить, что в период формирования административно-судебного аппарата Московского государства в законодательстве появляется ответственность за нарушения против правосудия. В частности, в Судебнике 1497 г., помимо установления запрета для судей брать тайные посулы (вознаграждения), отказывать в правосудии либо решать дела, исходя из своих личных выгод, в ст. 67 был установлен запрет для свидетелей (послухов) давать заведомо ложные показания². При этом Судебник 1497 г. еще не содержит соответствующих санкций для лиц, осуществляющих правосудие, за нарушение установленных в нем запретов. В то же время он является актом, одним из первых устанавливающим в ст. 68 ответственность за неподчинение лицам, осуществляющим правосудие: «А которые имуть опришние у поля стояти, и околничему и диаку тех отслати прочь. А не пойдут опришнии люди прочь, и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами да велети их дати на поруку да поставити перед великим князем»³.

Таким образом, посторонние люди, не подчинившиеся удалиться с места проведения судебного поединка, подвергались взысканию суммы иска с судебными пошлинами и передавались на поруки и подлежали великокняжескому суду. Кроме того, ст. 27 устанавливала выдачу бессудной грамоты в случае *неявки на суд ответчика, на восьмой день после назначенного срока*. По ст. 32 с виновной стороны в пользу выигравшей стороны взыскивались убытки, причиненные волокитой, и расходы, связанные с выдачей срочной, правой или бессудной гра-

---

¹ См.: Михайлов М. М. Избранные произведения. М.: Статут, 2014. С. 48.

² Судебник 1497 года. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

³ Там же.